

На синеватом экране возникают цветные титры: «Мой, только мой!..», буквы последнего слова как-то нервно дрожат, и мы сразу догадываемся, что предстоит увидеть нечто душераздирающее...

Далее узнаем, что двухсерийная «кинолента» изготовлена на фабрике «Юниверсал БРЕДфильм» и поставлена она в «жанре» уголовного. Через несколько секунд появляется обнаженная певичка, иступленно выкрикивающая куплеты джазовой песенки...

Скоро все становится ясным: это театральная кинопародия на загра-

ДОСТОИНСТВА И ПРОСЧЕТЫ ОДНОГО СПЕКТАКЛЯ

ничный коммерческий фильм, щедро уснащенный ужасами и призраками, роновыми страстями и убийствами, насилиями и погонями.

Труппа Государственного Центрального театра кукол под руководством народного артиста СССР С. Образцова, исполняющая «заграничную уголовщину» Бориса Тузлукова «Мой, только мой!..», уже имеет прекрасный опыт сатирического изображения нравов в буржуазном кино. Вспомним великолепный спектакль «Под шорох твоих ресниц», поставленный с безжалостным остроумием.

По своим идейным прицелам «Мой, только мой!..» близок к «Шороху». Больше того, оба спектакля обладают какой-то внутренней связью. Но, если в «Шорохе» рассказывалось о том, как создается в Голливуде фильм, то в спектакле «Мой, только мой!..», пародируется непосредственно сам фильм — типично развлекательный западный боевик с его стандартно-«загадочными» сюжетными ходами, с его художественной и идейной убогостью, вернее сказать, с его антихудожественностью.

Спектакль-«фильм» «Мой, только мой!..» (постановка С. Образцова и С. Самодура) задуман как сатира на заграничную кинохалтуру, мутные волны которой захлестывают зарубежный экран. Эта кинопродукция не безобидна: она растлевает душу, приучает к жестокости, воспекает аморальность. Такое кино, в конечном счете, потворствует преступности и оправдывает ее.

Итак, замысел создателей спектакля весьма целенаправлен и своевременен — развенчать буржуазные киноподелки. (Кстати, подобные фильмы порой появляются и на наших экранах; в известной степени к ним можно отнести демонстрирующиеся американские картины «Семь невест для

семи братьев» и «Великолепную семью»). Однако осуществление замысла удалось театру, на наш взгляд, не до конца.

В постановке москвичей много увлекательных и по-настоящему неожиданных, новаторских находок. Отлично монтируется в спектакле применение кино (художник — заслуженный деятель искусств РСФСР Б. Тузлуков, кинооператор Е. Мигунова). Эти эксперименты придают действию динамику, расширяют границы кукольной сцены, способствуют зрелищной выразительности трюков (например, стремительное автомобильное «путешествие» по ночному городу. Правда, порой начинает утомлять и даже мешать восприятию излишняя затемненность сцены-экрана.

Нельзя не сказать о таких блестящих по мастерству исполнения и точных по характеристикам куклах, как зловащая Мадам Кронет (артистка Г. Бадич) и неутомимый авантюрист Архивариус графа (засл. арт. РСФСР Э. Гердт), как Старый граф и Дух окровавленной графини, как вездесущий и не поспевающий Детектив со «штатом» полисменов...

Но все-таки почему сатирический замысел воплощен лишь частично? Почему во время спектакля, хотя смотрится он с интересом, в зрительном зале не очень дружно и не очень часто смеются?

Может быть, это происходит от того, что спектакль не вырывается на простор ярих и обобщенных сатирических акцентов? Может быть, потому, что его критическая направленность замкнута в сфере эстетической?

В самом деле, драматург и постановщики в основном высмеивают лишь банальность сюжетов западных фильмов, их построение, актерские штампы, нагромождение невероятных событий, удручающе нелепые ситуации. Причем, делается это легко, с эстрадной непосредственностью и, к сожалению, без публицистического гротеска. Если в спектакле «Под шорох твоих ресниц» куклы, смеясь, облицали, то в «Мой, только мой!..» они лишь посмеиваются.

О. ЕЛИСЕЕВ.

* * *

На снимке: артисты А. Гуськова и М. Петров со своими куклами — Дочерью и Старым графом.

Фото Н. Соичевой.